

Девочки, если бы у вас была возможность анонимно позвонить на линию доверия и признаться во всех своих грехах, вы бы решились?

В «Анонимных грешниках» вы можете рассказать о самых темных мыслях и желаниях, которые никогда бы не осмелились озвучить вслух. Помните главное правило: на другом конце провода тебя обязательно кто-то слушает...

Мир мафии, сделки, заключенные из отчаяния, и исповеди, способные разрушить чужие жизни, сплетаются в притягательный роман о чувствах, которым невозможно сопротивляться.

Надеемся, что вы влюбитесь в красивого монстра Анджело Висконти и Рори с ее собственными темными секретами так же, как мы!

С любовью к читателям и книгам,
команда

@not_love_story

СОММА СКЕТЧЕР

АНОНИМНЫЕ
грешники

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С42

Somme Sketcher
SINNERS ANONYMOUS (Sinners Anonymous #1)

Copyright © 2021. SINNERS ANONYMOUS by Somme Sketcher
the moral rights of the author have been asserted

COVER DESIGN © Kirsty Still – The Pretty Little Design Co. www.
theprettylittledesignco.co.uk

Перевод с английского *Марины Кокты*
Художественное оформление суперобложки *Веры Уваровой*

Скетчер, Сомма.

С42 Анонимные грешники / Сомма Скетчер ; [перевод с английского М. Кокты]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-235097-9

Рори Картер совершает плохие поступки. И единственный способ для нее не сойти с ума — регулярные исповеди на «Анонимных грешниках», горячей телефонной линии для тех, кто хочет облегчить душу. Но несмотря на все свои грехи, Рори решается на один значительный поступок: принести себя в жертву мафии ради спасения отца.

Рори соглашается выйти замуж за криминального босса Альберто. Это часть ее сделки с дьяволом — сделки, которая пугает ее до мурашек. Она еще не знает, что настоящий дьявол — вовсе не Альберто, а его племянник — Анджело Висконти.

Этот мужчина — не рыцарь в сияющих доспехах. Он — чудовище в костюме от Армани.

Прекрасное чудовище с острыми скулами, рельефными мышцами, буйным нравом и темной душой. Анджело смотрит на Рори так, будто она принадлежит ему.

И когда его рука сжимает ее бедро, а губы шепчут: «Признайся в своем грехе, Аврора», — она понимает: самый страшный грех — это он сам.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-235097-9

© Кокта М., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОТ АВТОРА

Дорогие читатели,

спасибо, что выбрали книгу «Анонимные грешники». Надеюсь, вам понравится читать ее так же, как мне нравилось ее писать.

Прежде чем вы углубитесь в чтение, вам следует знать, что эта книга — темная романтика. В ней есть несколько триггерных тем, в том числе разговоры о самоубийстве и сексуальном насилии. Пожалуйста, читайте на свой страх и риск.

С любовью,
Сомма х

ДЕВЯТЬЮ ГОДАМИ

Ранее

Анджело

Женщины семьи Висконти обожают соревноваться друг с другом на похоронах. И не важно, кто скончался: их мама или двенадцатиюродная прабабка, они всегда устраивают гребаное состязание — кто из них умеет горевать сильнее.

Стоны, всхлипы, вздохи. Я еще могу выносить те слезы, что смахнут носовым платком или промокнут смятой бумажной салфеткой. Но вот от плача другого рода мне хочется броситься в могилу к покойному. От воплей, стонаний и пронзительных вскриков.

Оторвав глаза от епископа Фрэнсиса, я пронзаю разъяренным взглядом свою двоюродную бабушку Эсме.

Чертово бульканье.

— *Gesù Cristo*¹, — бурчит себе под нос мой кузен Тор на скамье позади меня. — На прошлой неделе я перерезал глотку одному ублюдку. Так вот звук был один в один.

По нашему ряду пробегает шепоток, и я бросаю взгляд влево, на своего брата Рэйфа. Он сидит, прикусив нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Поймав мой взгляд, он вздергивает бровь, словно говоря: «Ну а что? Смешно

¹ Иисус Христос (итал.). (Здесь и далее прим. пер.)

же». Рядом с ним еще один мой брат, Гейб, смотрит прямо перед собой, стиснув челюсти.

Епископ Фрэнсис продолжает бубнить, проводя панихиду. Когда бульканье бабушки Эсме становится громче, троюродная сестра, приехавшая с Сицилии специально по такому случаю, решает, что не даст себя переплюнуть. Источно вскрикнув, она протискивается вдоль сидящих на скамье, цокает в сторону алтаря и опускается на колени перед гробами с пронзительным плачем, похожим на звук, с которым сдувается воздушный шарик.

Я даже не помню, как ее зовут.

Кто-то отрывисто бормочет извинения на итальянском. На меня бросают беспокойные взгляды. Один из кузенов идет за ней и оттаскивает обратно на скамью, приподняв край ее кружевной вуали, чтобы и поругать, и успокоить.

Но епископ Фрэнсис потерял ход своих мыслей. Что-то невнятно бормоча, он шуршит листками бумаги, а я чувствую, как на рядах сзади меняется настроение.

И это понятно. Католические похороны тянутся бесконечно долго. Еще дольше, когда хоронят двоих, один из которых — священник. С каждой секундой деревянные скамьи становятся жестче, а мысли переключаются со случившегося горя на гранд-отель «Висконти» в Девилз-Ков, где состоится поминки.

Никто не закатывает таких вечеринок, как недавно почившие Висконти. Что уж говорить, если их двое.

Епископ смотрит на скамью в первом ряду и встречается взглядом со мной. Я коротко киваю ему в знак того, что мессу можно заканчивать. Никто в этой церкви не хочет выбраться отсюда сильнее, чем я. Он прочищает горло и окидывает взглядом присутствующих.

— Возлюбленные сестры и братья, семья погибших просит вас собраться в церковном дворе, чтобы предать тела земле.

На меня устремляются глаза, полные жалости и невыплаканных слез. Мы с братьями встаем, и, задержав по-

следний взгляд на гробах, я сглатываю ком в горле, расправляю плечи и иду на задний двор церкви.

Широким шагом я прохожу сквозь море шепотков, не сводя глаз с кованых железных дверей впереди.

Почти дошел. Почти дошел.

В моем нагрудном кармане жужжит телефон. Я надеюсь, это звонит мой помощник, чтобы сообщить, что самолет запущен и готов вылетать обратно в Лондон.

Министрант с усилием открывает двери, на мгновение я останавливаюсь на ступенях и закрываю глаза, чувствуя, как ледяной ветер бьет по лицу и морозный воздух щиплет за нос. Здесь, на утесе, погода всегда была суровее, чем внизу, в городе: порывы ветра резче и дожди сильнее. Мама, вечная оптимистка, напомнила бы нам, что, хотя зимой здесь холоднее, чем внизу, летом же всегда жарче.

В жизни все всегда в равновесии, Анджело. Хорошее всегда уравновешивает плохое.

Когда я открываю глаза, Рэйф стоит по одну сторону от меня, Гейб — по другую. Они оба вслед за мной смотрят на низко нависшие тучи, раздутые животы которых предвещают бурю.

Рэйф фыркает.

— Какой прекрасный день, чтобы похоронить наших родителей.

Гейб молчит.

Мы идем по усыпанной гравием дорожке, петляющей между надгробиями, пока не оказываемся всего в нескольких ярдах от края обрыва. Два грязных прямоугольника зияют среди травы.

Я сжимаю кулаки.

Бок о бок. Вместе на веки вечные. На совместном надгробии родителей будет выгравирована благопристойная версия их истории любви. Я думаю о случайно забредших сюда туристах и всех, кто решит совершить утреннюю пробежку мимо кладбища, — они увидят эту надпись и поверят, что любовь существует.

Между тем ужасная правда будет похоронена на глубине шести футов под ними.

Какими бы романтичными ни были слова на мраморном надгробии, настоящей любви не существует. Это не что иное, как видоизмененная надежда на лучшее. Идея, за которую могут ухватиться бедные и бессильные, когда ничего другого не остается.

Я смотрю на поток костюмов и кружев, который движется в нашу сторону через кладбище. Парням из мафии хорошо известно, что любви не существует. Дяди и кузены держат своих жен и подружек не за руку, а за запястье. Они могут предложить им лишь минимум утешений в надежде, что те заткнутся, а сами то и дело поглядывают на часы, прикидывая, когда же можно будет улизнуть к своим подстилкам, ослабить галстуки и забыть о своих обязательствах перед «Коза Ностра».

Мужчины Висконти тем более не влюбляются. Влюбленность подразумевает некоторую случайность, а в этом семействе все основано на холодном расчете.

Кто-то трясущейся рукой сжимает мое плечо.

— Алонсо бы понравилось его последнее пристанище, — говорит дядя Альфредо сдавленным от эмоций голосом. — Теперь он сможет любоваться своей церковью над ним и своим городом внизу. Он создал их из ничего, ты ведь знаешь?

Я коротко киваю ему, глядя на кучу грязи, которая вот-вот придавит мою мать. Он похлопывает меня по спине и отходит на шаг назад. Надо отдать дяде Альфредо должное, намеки он понимает.

Маму опускают первой, и я неожиданно для себя оседаю вместе с ней — с единственной женщиной в моей жизни, перед которой я встаю на колени. Мои кулаки упираются в грязь. Еще чья-то рука опускается мне на плечо, и по блеску перстня с цитрином я понимаю, что это Рэйф.

— Отец наш Небесный, поскольку ты призвал сестру Марию Висконти к себе, мы предаем ее тело земле, где

оно обретет свое последнее пристанище, — громко говорит епископ Фрэнсис, и ветер тут же подхватывает его слова.

Бешеная ярость проникает мне в кровь, и снова появляется эта горечь, обжигающая горло. У нее вкус тайн и грехов, и сколько бы виски я ни влил в себя в самолете по дороге домой или после того, я знаю, что мне никогда не избавиться от нее.

— ...пепел к пеплу, прах к праху, — монотонно продолжает епископ.

Горит ладан, струйки дыма сливаются с утренним туманом. Затем наступает черед роз. Кроваво-красные, покрытые шипами, с глухим звуком они падают на крышку из красного дерева. Рэйф рядом со мной припадает к земле, подносит кулак ко рту и дует на него. Легким движением руки он резко бросает пару игральные кости, они соскальзывают с покато́й крышки и приземляются в щель между гробом и грунтом.

— Для моей Госпожи Фортуны, — хрипло произносит он, проводя рукой по волосам. — Удачи тебе там, мама.

Гейб тоже опускается на колени. Вместо того чтобы бросить розу, которую держит в руке, он наклоняется, припадает губами к дереву и что-то долго бормочет в сердечном порыве.

За последние годы я не видел, чтобы он столько говорил.

Дождь из цветов и открыток прекращается, и выжидающие взгляды устремляются в мою сторону.

Я медленно достаю кое-что из кармана. Обертка шуршит у меня в руке, а я аккуратно, чтобы не поломать, кладу вещь на гроб.

Около меня раздается смешок.

— Печенье с предсказанием, — чуть слышно говорит Рэйф, и грустная улыбка трогает его губы. — И почему я не сообразил?

Мама верила в судьбу так же сильно, как в Бога. Ее ничуть не смущало, что она ни разу не видела и не слышала

этого небесного авторитета, но доказательства существования судьбы она искала неустанно. Она выслеживала их повсюду. Будь то пятидолларовый расклад карт Таро на ярмарке или магический шар с предсказаниями на брелке для ключей от дома.

Или чертовы печенья с предсказаниями. Мама жила по их подсказкам. Каждый день после ужина она разламывала одно печенье и доставала из него тоненькую полоску бумаги так аккуратно, словно это была какая-то драгоценность. Она находила смысл в любом самом туманном пророчестве, написанном на бумажке, и принималась менять и выстраивать свою жизнь в соответствии с ним.

Я принес именно то печенье, которое привело ее из Нью-Йорка в Девилз-Дип в штате Вашингтон.

Ищи надежду там, где воздух соленый, а обрывы крутые.

Она любила этот чертов городишко, потому что считала, что ей предначертано начать новую жизнь здесь. Интересно, видела ли она хоть раз, склонившись над столиком в фургоне гадалки или глядя на послание магического шара, что этот город принесет ей и смерть.

Теперь опускают отца. На его гроб накинута фиолетовая вуаль, а сверху сложены золотисто-зеленые одежды. Снова раздаются рыдания, громче, чем когда опускали маму. Я поднимаюсь на ноги и поворачиваюсь к морю, чувствуя каждую пару глаз семьи Висконти, прожигающую мне спину.

Я знаю, о чем они все думают. Смерть моего отца знаменует новую эру в «Коза Ностра», и она начинается с меня.

С нового капо¹ в Девилз-Дип.

Глядя на рыбацкие лодки и грузовые суда, покачивающиеся внизу на волнах, я вдруг ощущаю еще чей-то

¹ Капореджиме — в итало-американской мафии представитель одной из высших «ступеней» в криминальной лестнице.

взгляд. Я поворачиваю голову направо, мой взор устремляется через кладбище на другую сторону неширокой проезжей дороги, где на автобусной остановке столпились люди.

Я сжимаю челюсти.

Чертовы местные жители. Одни уселись на скамейке, другие стоят, прислонившись к телефонной будке и скрестив руки на груди. И все они наблюдают за тем, как моих родителей опускают в землю, и, судя по их недобрым взглядам и ярким нарядам, ни один из них не пришел сюда, чтобы почтить их память.

Я встречаюсь взглядом со стариком. Кожа на его лице огрубела и обветрилась, как и у любого рабочего, который всю жизнь провел, сражаясь со стихией, в порту, расположенном внизу. На нем кирпично-красный плащ и желтый шарф, и спустя пару мгновений его губы растягиваются в самодовольной ухмылке.

Отец всегда говорил, что темпераментом я отличаюсь от братьев. Их гнев разгорается медленно, как свеча, и его легко потушить. Мой же похож на фейерверк: подожги фитиль, и я взорвусь спустя пару секунд, не задумываясь о непоправимом ущербе, который могу причинить. *Ты бешеный, сынок.*

Отличная черта для капо.

Нет.

— Анджело, убери чертов пистолет, — шипит мне на ухо дядя Альберто, внезапно появившийся рядом.

Я даже не помню, как достал пистолет из-за пояса, не говоря уже о том, что нацелил его на самодовольного ублюдка через дорогу. Но теперь толпа разбегается, как испуганная стая голубей, в панике выкрикивая какие-то слова, которые заглушает шум ветра и разбивающихся о скалы волн.

Я оглядываюсь назад. Епископ Фрэнсис прервал речь, женщины семейства Висконти прекратили рыдать, и все уставились на меня с сочувствием, гневом или замеша-

тельством во взглядах. Все, кроме Рэйфа и Гейба, которые держат руки на пистолетах за поясами. Рэйф ловит мой взгляд и едва заметно покачивает головой.

Это плохая идея, брат.

Несмотря на то что я стою в нескольких футах от своих погибших родителей с гребаным пистолетом в руке, у меня из груди вырывается смешок.

Если Анджело прыгнет с обрыва, ты тоже прыгнешь?

Так всегда спрашивала мама у моих братьев, когда мы еще были пацанами и я втягивал их в какое-нибудь дерьмо. Поджечь старый сарай или обрезать тормозной трос на велосипеде, чтобы проверить, кто быстрее доедет от нашего дома на холме до озера внизу.

Их ответ всегда был неизменным. *Да.*

— Они пришли, чтобы убедиться, что отец действительно мертв, — рычу я.

— Нет, они пришли, чтобы взглянуть на человека, который заменит его. — Дядя Альберто встает передо мной, загораживая мне вид местных жителей, спешно забирающихся в грузовики и машины, и хватает меня за подбородок. В его взгляде смешались гордость и скорбь. — Жду не дождусь твоих дел, Бешеный. Отец будет гордиться тобой.

Мой подбородок напрягается под его пальцем, и он меня отпускает. Положив свою сильную руку мне на плечо, он ведет меня обратно к могилам, и епископ Фрэнсис воспринимает это как знак, что можно продолжить.

В могиле еще больше цветов. Дядя Альфредо опускает бутылку виски «Смаглерз клуб» специальной серии, а дядя Альберто снимает со своего запястья «Ролекс» и бросает в могилу.

— Много лет назад я выиграл их у старого подлеца. Твой старик никогда не умел играть в покер. — Он вытягивает шею, чтобы взглянуть на Рэйфа. — Не знаю, откуда взялся твой талант, сынок.

Моя очередь. Я не опускаюсь на колени, как перед могилой мамы, а наклоняюсь над гробом с черными четка-

ми отца в руке. Цепочка бусин в два оборота обмотана вокруг моего запястья, крестик качается на ветру, словно маятник.

Он никогда не снимал его.

Пока я не сделал это.

Я замираю, зажимаю крестик в кулаке и кладу обратно в карман своих брюк. Подняв голову, я вижу, как мой двоюродный брат Данте свирепо смотрит на меня с другой стороны могилы.

Когда гроб мамы опускают, земля с глухим звуком падает на крышку, каждый удар разносится все сокрушительнее. Я снова разворачиваюсь к морю, как раз в тот момент, когда вниз летят первые капли дождя.

Я опять достаю из кармана четки и подношу их к губам.

— Прости меня, Отец, — бормочу я, касаясь холодного металла, и капля дождя падает мне на щеку, — ибо я согрешил.

Рядом со мной появляется Рэйф. Спустя пару мгновений широким шагом к нам подходит Гейб. Позади нас все спешат к припаркованным машинам, прикрываясь от дождя зонтиками и сборниками церковных гимнов.

На горизонте вспышкой проносится молния.

Бог пытается добить меня.

— Будто сцена из «Короля Льва», — бормочет Рэйф в воротник рубашки, пряча руки в карманы. — «Все, чего касается свет, — твое королевство», или как там было. Это все твое, брат.

Я смотрю вниз, на мое так называемое королевство. Слева — выдавший виды старый порт, справа — маленький городок, приютившийся у подножия скалы. Я поворачиваюсь, чтобы окинуть взглядом побережье до самой темноты Девилз-Холлоу, а потом до бухты Девилз-Коув, которая даже в тумане и под дождем сверкает огнями, как гребаная рождественская ель.

— Мне оно не нужно.

Слова срываются у меня с языка, как я и предполагал.